

Беседа главного редактора газеты «ЗАВТРА» с руководителем Федеральной таможенной службы России

Александр ПРОХАНОВ. Андрей Юрьевич, вы уже почти семь лет руководите Федеральной таможенной службой Российской Федерации. До этого возглавляли такие серьезные структуры, как "Рособоронэкспорт" и Федеральная служба по оборонному заказу. Являетесь одним из ближайших сотрудников Владимира Владимировича Путина. Что такое российская таможня сегодня, какую роль она играет в жизни государства?

Андрей БЕЛЬЯНИНОВ. На этот ваш вопрос, Александр Андреевич, можно ответить цифрами официальной статистики, и они таковы. Перечисления нашей службы в федеральный бюджет в 2012 году составили свыше 6,5 трлн. рублей и увеличились по сравнению с 2011 годом на 10,6%. Это больше половины доходов государства. Как руководитель таможенной службы, я должен этим гордиться, но как гражданин своей страны я этим гордиться не могу, потому что данный показатель очень многое говорит об уровне развития нашей экономики. Во всем мире доля таможенных сборов в бюджете составляет 10-14%.

А.П. В основном это нефть и газ?

А.Б. Если брать экспортную составляющую, то да. Но почти столько же, сколько вывоз нефти и газа, дают таможенные сборы с импорта в Россию.

А.П. В этой связи наше вступление в ВТО и создание Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии как-то повлияло на работу вашего ведомства? Какие вы видите перспективы по этим направлениям?

А.Б. Разумеется, условия работы таможенной службы от реализации этих проектов серьезно меняются. Особенно на фоне других решений правительства — например, о 20%-ном сокращении федеральных госслужащих. У нас работало свыше 70 тысяч человек, осталось меньше 60 тысяч. Только что, в марте, мы завершили последний этап

сокращения — более чем на 4,5 тысячи штатных единиц. И дело тут не в корпоративных интересах, хотя нагрузка на оставшихся в строю сотрудников возрастёт, — дело в людях, в том, куда и с каким сердцем они пойдут. Доказать руководству, что сокращения в таможенной службе нецелесообразны, нам не удалось.

А.П. Но ведь с устранением таможенных границ между Россией, Казахстаном и Беларусью в рамках Таможенного союза нагрузка на ваших сотрудников должна была снизиться?

А.Б. Это не совсем так. Да, мы отказались от двойного и тройного оформления таможенных документов, но внешний торговый оборот растёт, и если раньше товары для того же Казахстана шли через Россию как транзит, то теперь мы их оформляем полностью. И все таможенные пошлины сейчас берутся там, где товар или услуга пересекают границу Таможенного союза.

А.П. А какова дальнейшая судьба этих денег? Как они распределяются между тремя странами?

А.Б. Мы выработали соответствующий механизм, деньги распределяются в соответствии со специальными коэффициентами, соответствующими долям каждой страны в совокупной внешней торговле.

А.П. То есть Таможенный союз — это взаимовыгодный проект, и никаких потерь от него российский бюджет не понёс?

А.Б. Во всяком случае, никаких прямых потерь нет. Есть потери косвенные, связанные с тем, что Таможенный союз и создавался преимущественно по линии таможенных служб трех республик. И в результате Таможенный кодекс у нас теперь один, а, например, налоговые кодексы разные. И многим российским предпринимателям оказывается выгодно регистрировать фирмы в Казахстане, где режим налогообложения юридических лиц гораздо мягче, нежели в России или в Белоруссии.

Александр ПРОХАНОВ. А от кого исходила инициатива создания Таможенного союза?

Андрей БЕЛЬЯНИНОВ. В его нынешнем виде — от президентов России, Казахстана и Белоруссии. Без проявленной ими политической воли к интеграции экономик трех стран никакого Таможенного союза, разумеется, не было бы. И это вопрос не сугубо экономический — здесь цифры и деньги играют далеко не первую роль.

А.П. Но и далеко не последнюю?

А.Б. Разумеется. Без денег ничего нельзя сделать, без идеи — делать нечего и незачем. И Таможенный союз — это прежде всего социально-политический, даже идеологический проект. Потому что он заново связывает гигантские пространства от Тихого до фактически Атлантического океана, фиксирует возрождение здесь некоего единого субъекта.

А.П. Государственного субъекта?

А.Б. Нет, скорее — цивилизационного. Создание Таможенного союза — только первый шаг в этом направлении. Уже созданы и работают структуры Евразийского экономического союза, который уже в ближайшей перспективе, на мой взгляд, может и должен получить статус субъекта международного права, как имеет такой статус, например, Европейский Союз, что ничуть не ущемляет суверенитета государств-членов ЕС.

А.П. Но, видимо, эти интеграционные процессы будут идти нелегко: и вследствие разницы интересов между их участниками, и вследствие внешних воздействий? Я хорошо помню, как госсекретарь США Хиллари Клинтон перед своей отставкой с этого поста спела "лебединую песню" — как раз против Таможенного союза и Евразийского экономического союза, создание которых она трактовала как "попытку возрождения советской империи".

А.Б. Понятно, что это было неадекватное заявление. Советский Союз был жестко централизованным государством, я бы даже сказал — сверхцентрализованным, потому что в нем, кроме государственной вертикали власти, существовала еще и партийная. Сейчас ничего подобного в отношениях между странами, вошедшими в Таможенный союз, нет. И переговоры о его создании шли пусть не 18 лет, как переговоры о вступлении России в ВТО, но достаточно долго и сложно. Во многих вопросах приходилось идти на компромиссы — например, о таможенных изъятиях для Казахстана. Но результат налицо, и тем странам, которые захотят войти в Таможенный союз, придется исходить из уже установленных норм и правил.

А.П. Насколько мне известно, заявку о вступлении хочет подать или уже подала Киргизия, зато Украина требует себе особого статуса по формуле "3+1".

А.Б. Да, президент Киргизии Алмазбек Атамбаев не только заявил о евразийской интеграции как о стратегическом выборе своей республики, но и о том, что в начале 2014 года она станет полноправным членом Таможенного союза.'

А.П. В прошлом сентябре вы были награждены одним из высших орденов Киргизии, орденом Данакер, за развитие российско-киргизского сотрудничества и за содействие установке в Москве и в Бишкеке памятников герою киргизского эпоса Манасу.

А.Б. Это был первый орден, который вручил Алмазбек Шаршенович, будучи президентом Кыргызстана. До этого он с момента инаугурации, по-моему, девять месяцев никого ни за что не награждал... Но это всё — позументы, а главное — дело. Киргизия после всех потрясений действительно сделала свой стратегический выбор, и я не сомневаюсь, что он будет полностью поддержан в Москве, Астане и Минске.

А.П. А что происходит на украинском направлении? Какова позиция Киева по отношению к евразийской интеграции в целом и к Таможенному союзу в частности?

А.Б. Может быть, вам покажется парадоксальным, но исторически инициатором создания Таможенного союза — еще при Ельцине — была именно Украина. Вопрос об

этом поднял Леонид Кучма, который, имея за плечами опыт руководства знаменитым "Южмашем", прекрасно понимал, что украинское машиностроение, украинская "оборонка", другие высокотехнологичные отрасли украинской промышленности не выживут без кооперации с Россией, с другими государствами постсоветского пространства. Но, по ряду причин, тогда его инициатива реального развития не получила, а у преемников Леонида Даниловича — возможно были другие приоритеты в политике и в жизни.

Но главная проблема Украины в другом — там никак не могут определиться, чего они хотят, куда и зачем им идти. Сегодня — одно, завтра — другое, послезавтра — третье.

А.П. В Киеве любят говорить о "многовекторной" политике современной Украины.

А.Б. В период соперничества Виктора Андреевича Ющенко и Виктора Фёдоровича Януковича её называли даже "многовикторной". Но "многовекторность" — это когда вы работаете одновременно в нескольких направлениях. А когда вы поворачиваетесь то в одну сторону, то в другую, это иначе называется.

У нас прекрасные рабочие отношения с украинскими таможенниками, и они открыто говорят, что если будет команда сверху, все спорные моменты можно будет согласовать в течение нескольких месяцев.

Мы ничего не имеем против объединенной Европы, хотите туда — пожалуйста. Хотите сюда — милости просим.

Я желаю Украине и суверенитета, и процветания. Но ни то, ни другое невозможно, пока там всё время будет Майдан: то под оранжевыми, то под голубыми флагами, пока там будут пытаться усидеть между двух стульев.

А.П. Полностью разделяю эту вашу, Андрей Юрьевич, позицию. Но давайте вернемся к теме Таможенного союза, его плюсам и минусам. Как изменились после его создания угрозы наркотрафика и нелегальной миграции из республик

Центральной Азии?

А.Б. Можно сказать, что проблем стало больше. Но это зависит вовсе не от количества границ, которые приходится пересекать наркотикам и нелегальным мигрантам, поскольку сейчас и то, и другое — серьёзный бизнес с нормой прибыли свыше 1000%. Никакие заградотряды, никакие стены тут не помогут. Нужно уничтожать условия, при которых наркотрафик и нелегальная миграция являются выгодными. Особенно актуальной для нас в этом плане является ситуация в Афганистане. Сколько мы ни требуем от наших американских "друзей" проведения более жесткой политики в отношении производителей опионого мака и опиатов, никаких положительных сдвигов не происходит. Хотя в Латинской Америке с производителями коки США воюют всерьёз. Могу предположить, там считают, что проблема афганского героина должна быть проблемой Европы и России, но не Америки, что их она не затронет или затронет в самой малой степени. Уверен, это не так, и нынешняя позиция США — огромная ошибка.

То же самое могу сказать по поводу массовой нелегальной миграции. Пока у нас будет развиваться модель сырьевой экономики, не требующей высококвалифицированного труда, — с потоком гастарбайтеров, порой не знающих даже русского языка, мы не справимся. Пока в республиках Центральной Азии будет экономическое перенаселение, они будут источником миграции. Думаю, что Таможенный союз и другие, более продвинутые формы экономической интеграции постсоветского пространства, помогут в решении этих проблем.

А.П. Андрей Юрьевич, мне показалось, или в ваших словах действительно прозвучала некая нота фатализма по поводу того, что для больших денег границ не существует? О коррупции в вашем ведомстве говорят очень часто и много. Насколько эти разговоры соответствуют действительности?

А.Б. Знаете, Александр Андреевич, до мая 2006 года, когда мне доверили руководить Федеральной Таможенной службой, я к этой структуре относился с большой долей недоверия, а иногда даже с неприязнью. Но одно дело — видеть ситуацию снаружи, и совсем другое — изнутри. Деньги здесь действительно огромные. Когда я работал главой "Рособоронэкспорта", то за три года ценой огромных усилий нам удалось выйти с 3,5 млрд. на 5 млрд. долл. годовой выручки

Здесь миллиард долларов зарабатывается за сутки. Если наши 60 тысяч сотрудников за

год приносят в казну 6,5 триллионов рублей, то формальная годовая "выработка" на каждого таможенника — больше 100 миллионов рублей. З с лишним миллиона долларов при среднем подушном ВВП России меньше 17 тысяч долларов. То есть уровень соблазнов невероятно велик. И все 100% наших сотрудников просто по определению не могут быть абсолютно честными.

Нельзя построить коммунизм в одной, отдельно взятой стране. Нельзя победить коррупцию в одном, отдельно взятом ведомстве. Но уничтожать ее ростки надо безжалостно и постоянно, иначе она покроет собой всё. Я за первый год своей работы сменил больше тысячи руководителей ФТС разного уровня. Потому что таможенником был Верецагин из "Белого солнца пустыни" — человек, которому "за державу обидно", но таможенником был и Чичиков, если вы помните.

В людях надо воспитывать понимание того, что они находятся, по сути, на переднем крае защиты национальных интересов России, что на эти миллионы, миллиарды и триллионы рублей, которые мы взимаем в качестве таможенных сборов, работает вся страна. Без этого понимания, без чувства патриотизма, без любви к России в таможенной службе делать нечего.

А.П. Говорят, что портреты артиста Павла Луспекаева в роли таможенника Павла Верецагина сейчас, по вашему примеру, висят во многих кабинетах руководителей ФТС. Вы и сами в детстве снимались в серьезном кино — в фильме "Дети Дон Кихота". Таможенными проблемам занимались не только политики и чиновники — ими занимались выдающиеся деятели нашей науки и культуры. Например, великий Дмитрий Иванович Менделеев не только написал монографию о таможенных тарифах, но и был одним из создателей Таможенного тарифа 1891 года. И вы своими словами подтверждаете основополагающую роль культурно-исторических традиций для работы таможенной службы.

А.Б. Да, это как фундамент, на котором возводится всё здание. Без фундамента оно не будет прочным, но один только фундамент — еще не дом, жить в нём нельзя. Поэтому мы создали фонд "Достояние России", в рамках которого осуществляем несколько проектов, направленных на возрождение и укрепление нашего исторического сознания. Например, организовали в прошлом году казачий конный поход Москва-Париж, посвященный 200-летию Отечественной войны 1812 года. Планируем поставить памятник атаману Платову в Москве. К 2014 году предлагаем создать мемориал, посвященный нашим солдатам, павшим на фронтах Первой мировой войны. Есть идея в будущем году отметить 40-летие Байкало-Амурской магистрали как ударной

комсомольской стройки, собрать в Кремле со всего бывшего Союза командиров и комиссаров студенческих строительных отрядов, работавших на БАМе. Думаю, этот проект тоже будет способствовать интеграционным процессам.

А.П. Флаг Федеральной таможенной службы — белый Андреевский крест на зелёном поле. Точно так же, как у российских моряков — голубой Андреевский крест на белом фоне. Я догадываюсь, что это не случайность.

А.Б. Святой апостол Андрей Первозванный — наш небесный покровитель. Когда в 1994 году встал вопрос о символике российской таможни, то предлагали выбрать апостола Матфея, который в земной жизни, как известно, был мытарем. Но мытарь — это, скорее, налоговая служба, а не таможня. Тем более, когда с этим вопросом обратились в Московский патриархат и к историкам, те единодушно сказали, что традиционный флаг российской таможенной службы именно такой, а её покровителем, как и российских моряков, всегда был апостол Андрей Первозванный. И этот флаг с 1827 года использовался для обозначения зданий и судов нашей таможни. Потому что основной объём нашей внешней торговли с петровских времен шел морем.

А.П. А как вы оцениваете роль православной церкви в современной России?

А.Б. Я считаю, что русская Православная церковь выполняет важнейшую интегрирующую функцию, объединяя наше общество и государство, — не напрямую, а через те ценности, которые она вот уже больше тысячи лет проповедует верующим.

А.П. Сейчас многие исследователи связывают советский проект именно с христианским сознанием русского народа, с его тягой к социальной справедливости, к соборному, дружинному и артельному устройству общества в условиях XX века.

А.Б. Я полагаю, к Богу можно прийти через православие, можно через мусульманство, можно через иудаизм или буддизм. Наверное, и через атеизм тоже можно прийти к Богу. Если это искренний и честный атеизм. К Богу нельзя прийти через ложь и предательство. А лжи и предательства в нашей истории последнего времени было более чем достаточно. Без Бога погибла мощная советская сверхдержава. С Богом даже

неизмеримо более слабая, чем Советский Союз, Россия пока успешно преодолевает все — казалось бы, совершенно непреодолимые для неё — препятствия. Это даже не вопрос веры или неверия. Это вопрос практики.

А.П. Тогда давайте вернёмся к последнему практическому вопросу. Вопросу глобального системного кризиса и связанных с ним угроз и перспектив для нашей страны. Многие мои коллеги считают кипрские события и вообще долговые проблемы еврозоны началом "второй волны" этого кризиса, которая может затруднить процессы интеграции и модернизации социально-экономической системы на постсоветском пространстве.

А.Б. Да, процессы интеграции и модернизации идут на фоне глобального кризиса. Собственно, его "первая волна" 2008-2009 годов и показала, что поодиночке бывшим республикам СССР — даже таким гигантским, как Россия, — выжить будет трудно. Отсюда и создание Таможенного союза, и намеченный к 2015 году, когда "вторая волна" кризиса должна проявиться в полной мере, переход к Евразийскому союзу (ЕАС). Его создание должно привести к формированию нового конкурентоспособного глобального центра экономической и политической силы, который эффективно интегрируется в современную систему международных отношений, и лидером которого станет Россия. Существенной предпосылкой последнего является формирование единого внутреннего рынка, что требует создания таможенного и валютного союзов. Именно этим путем идет евразийская интеграция, конечная цель которой — Евразийский союз (ЕАС). Все это предполагает увеличение объемов и структуры взаимного товарооборота, а значит — координацию таможенной и валютной политики, свободное движение не только капиталов, технологий и товаров, но и рабочей силы, запуск на этой основе саморазвивающихся процессов интеграции и модернизации. Все средства и все условия у нас для этого есть. Не хватает идей и видения цели развития.

Поэтому кипрский кризис я воспринимаю положительно. Да, какие-то деньги каких-то физических и юридических лиц там обнулились. Но это же огромный стимул для того, чтобы вывезенные из России на Запад деньги вернулись в российскую экономику. Нам не нужны "никакие западные инвестиции, не нужны никакие кредиты — нам хватит даже пятой, десятой доли того, что рассовано у наших сограждан и соотечественников по заграничным кубышкам. Сколько так называемых иностранных инвестиций на самом деле являются реэкспортом российского капитала из-за рубежа? Вы, наверное, не будете удивлены, а многие в нашем правительстве были удивлены, когда эксперты посчитали и выяснили, что доля реэкспорта — свыше 80%. То есть даже 20% прямых инвестиций из-за рубежа они насчитать не смогли. Так создайте нормальные условия для ведения бизнеса в нашей стране, как создали, например, для физических лиц, установив плоскую шкалу подоходного налога в 13%. Вот Жерар Депардьё принял

российское гражданство не только из-за любви к нашей стране, но и потому, что разницу между 13% и 70% подоходного налога он очень хорошо понимает. То же самое и с юридическими лицами. Если их заставлять платить 96 копеек налогов с каждого рубля доходов, они будут уводить свою деятельность в тень и вывозить прибыль за границу. Разумеется, не в рублях. Так почему мы не можем вывести их из тени? Почему мы предпочитаем 40-50% теневого сектора? Потому что так можно обогащаться? А если всё обогащение заканчивается конфискацией банковских депозитов? А здесь все условия для нормальной работы? Конечно, для этого нужно перестать "гасить" инфляцию путем стабилизации валютного курса рубля. Если мы хотим уменьшать импорт и увеличивать экспорт, нам нужен не "сильный", а "слабый" рубль, это же экономическая аксиома. Если мы хотим увеличивать долю высокотехнологичного производства, мы не можем иметь 28% налога на добавленную стоимость, это тоже экономическая аксиома. И если чиновники работают не с "отката", а с увеличения налогооблагаемой базы? А если мы еще начнем расчеты по внешней торговле не в долларах, а в национальных валютах, если начнем предоставлять нашим союзникам рублевые кредиты — у нас будет рывок сильнее китайского!

А.П. Андрей Юрьевич, мы в газете "Завтра" и в Изборском клубе тоже говорим, что без интеграции евразийского, постсоветского пространства, без концепции "Большого рывка" Россия обречена на деградацию и распад. Я очень рад, что ваши мысли во многом созвучны нашим мыслям, что тем самым "таможня дает добро" нашей деятельности. Обещаем, что при экспорте продукции, созданной Изборским клубом, никаких нарушений единого Таможенного кодекса и правил, предусмотренных в рамках Таможенного Союза, мы не допустим.

□ Александр Проханов

